

Горький, М. О драме / М. Горький // Русские писатели о литературном труде: В 4 т. Т. 4. Л.: Сов. Писатель, Ленингр. отделение, 1956. 860 с.

Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37-398.

Журчева, О.В. Формы выражения авторского сознания в русской драме XX века: автореферат дис. ... докт. филол. наук. Самара, СамГУ, 2009. 41 с.

Зинченко, В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В.П. Зинченко. М.: Новая школа, 1997. 334 с.

Каримова, И.Р. Коммуникативная организация драматического произведения: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. 142 с.

Кубрякова, Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) / Е.С. Кубрякова // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / Отв. ред. Н.И. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 30-45.

Маслова, В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений / В.А. Маслова. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.

Миллер, Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004, 303 с.

Поль, Ж. Приготовительная школа эстетики / Ж. Поль. М.: Искусство, 1981. 448 с.

Шиллер, Ф. О трагическом искусстве / Ф. Шиллер // Собрание сочинений: В. 7 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1957. 791 с.

ЭТНОЯЗЫКОВОЕ КОДИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ *

Е.А. Огнева

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет

Ogneva@bsu.edu.ru

Ценностный мир национальной культуры имеет исторически сложившийся целостный образ, формирующий ценностную картину мира, которая представляет собой упорядоченное множество оценочных суждений, отражающих ценностные ориентиры общества, где понимание сущности культуры основано на рассмотрении науки, религии, литературы в качестве кодов, формируемых подобно языку. Концептуальное осмысление национальной культуры возможно только посредством естественного языка (Маслова В.А., 2001: 62), который, по В. Гумбольду, является хранилищем народного духа, культуры, «объединенной духовной энергией народа, чудесным образом запечатленной в определенных звуках» (Гумбольд В., 1984: 349).

* Работа выполнена при поддержке гранта № 2009-1.5-506-001-008.

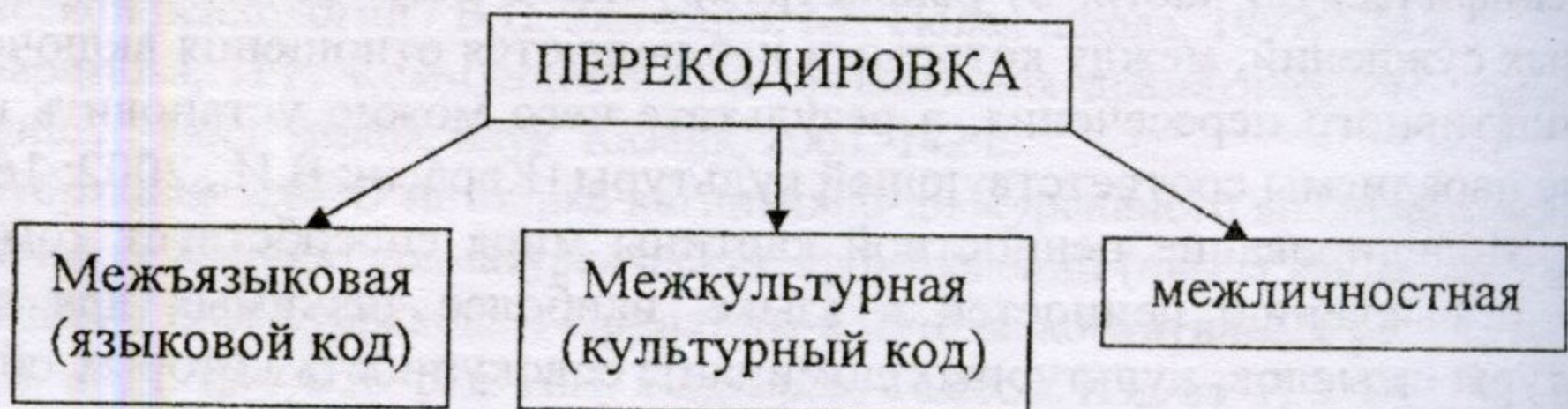
Язык как феномен культуры не только отражает и фиксирует, но и формирует систему ценностей, характеризующую ту или иную лингвокультурную общность, поэтому задачи лингвокультурологии заключаются в изучении вербальных механизмов организации, обработки, хранения и передачи культурно значимой информации в функциональном единстве языка и речи (Алефиренко Н.Ф., 2006: 51). При изучении способов отражения ценностной картины мира в языке необходимо исходить из положений, что ценностная картина мира в языке: а) включает общечеловеческую и специфическую части, б) реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, между которыми наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (Карасик В.И., 2002: 169).

Моделирование ценностной картины мира способствует комплексному осмыслению ценностей в языке, наиболее значимых для данной культуры смыслов, культурных доминант, совокупность которых образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке (см. подробнее: Карасик В.И., 2002: 169). Каждая языковая личность обладает некоей "оценочной шкалой", с помощью которой репрезентируется окружающий мир. Языковая личность состоит из следующих компонентов: 1) ценностный компонент – содержание воспитания, система ценностей, позволяющих человеку сформировать первоначальный и глубинный взгляд на мир, иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения; 2) культурологический компонент, который способствует освоению культуры как эффективного средства повышения интереса к языку на основе привлечения фактов культуры; 3) личностный компонент, характеризующий индивидуальное, глубинное в каждом человеке (Маслова В.А., 2001: 119).

Принадлежность человека к определенной культуре определяет его менталитет, на основе которого создаются исходные предпосылки и для восприятия иной культуры, в том числе и посредством прочтения литературно-художественных произведений. Для адекватного восприятия культурологически обусловленной информации оригинала необходимо либо соответствие картин мира читателя и текста перевода, либо его перемещение в новое культурно-языковое пространство, что требует от читателя корректировки собственной картины мира в соответствии с картиной мира произведения (Огнева Е.А., 2005: 216-220).

Художественный текст как форма реализации художественной картины мира связан с языковой картиной мира, которая формируется под влиянием сложных когнитивных структур, требующих в процессе перекодировки текста дополнительного внимания переводчика, способствующего межкультурной коммуникации посредством перевода текстов на основе использования накопленного им культурологического опыта, отображенного в его сознании (Огнева Е.А., 2005: 45-459).

Кодирующие механизмы языка, являясь имплицитными структурами, упорядочивающими ценностно-смысловые отношения в пределах той или иной этнокультурной системы, служат всеобщей матрицей, семантизирующей окружающий мир (Алефиренко Н.Ф., 2001: 82). Существует тесная взаимосвязь между языковым и культурным кодами. Эта связь оказывает влияние на все три компонента процесса перекодировки художественных произведений, которые отобразим следующим образом (см. подробнее: Моисеева С.А., Огнева Е.А., 2003):

Межличностная интерпретация художественных текстов, которые являются информационными источниками при косвенной коммуникации, имеющей односторонний характер, базируется на этноязыковом кодировании – процессе более глубинном, осуществляемом на уровне когнитивных процессов, затрагивающих фундаментальные основы познания (Алефиренко Н.Ф., 2001, 82), где общечеловеческие компоненты взаимодействующих культур становятся регуляторами межкультурного общения (Леонович О.А., 2002: 8).

Исследование условий и принципов межкультурного общения русских и французов особенно актуально в свете проведения года России во Франции и года Франции в России. Это культурное событие уже активизировало внимание к французской литературе, доступной большинству россиян в переводах. Мнение русских и французов друг о друге могут совпадать с действительностью или отличаться от неё, базируясь на каких-либо штампах. Так, например, в начале двадцатого века великий русский философ Н.А. Бердяев писал: «В современной Франции чувствуется какая-то хрупкость, усталость от большой своей истории, в которой совершено много великого и героического, чувствуется истощение. Современный француз слишком утончен, и слишком испорчен мещанским довольством, расслаблен жаждой наслаждений» (Бердяев Н.А., 1990: 134). В настоящее время Франция – современное, динамично развивающееся государство, защищающее свою специфичность в окружении других европейских государств, стремящееся создать многополярный мир, корни этого стремления уходят в прошлое.

Известный французский писатель Р. Роллан в своей знаменитой книге «Кола Брюньон» так говорит устами своего главного героя о стремлении французов к воле, к свободе: *Je sais que derrière un gros mur, je serais mieux garanti. Mais derrière un mur, que verrais-je! Le mur. J'en sécherais d'ennui. Je veux mes coudées franches. Je veux pouvoir m'étaler au bord de mon Beau-*

von, et quand je ne travaille point, de mon petit jardin, regarder les reflets découpés dans l'eau calme, les ronds qu'à la surface y rotent les poissons (Rolland R., 1948: 14) – Конечно, за толстой стеной я буду безопасней. Но что я буду видеть за толстой стеной? Стену. Я иссохну от скуки. Мне нужна свобода. Мне нужно, чтобы я мог разлечься на берегу моего Беврона и, когда я не работаю, смотреть из моего садика на отблески, вырезанные в тихой воде, на круги, которые по ее глади выискивают рыбы (Роллан Р., 1986: 14). Свободу человека этот же герой произведения ассоциирует со свободой птиц: *Afin que rien n'échappe à son petit oeil rond et à sa langue bavarde, elle a fait sa maison sans porte ni fenêtre, tout au faite des branches, ouverte à tous les vents* (Rolland R., 1948: 29) – Чтобы все подцепить своим круглым глазком и болтливым язычком, она построила себе дом без окон и дверей, на самой высокой из ветвей, открытый на все стороны (Р. Роллан. Кола Брюньон, 27).

Характерной чертой французов является их любовь к своему дому; построенному своими руками. Дом является предметом гордости хозяина. Дом – это живое существо, за которым нужно ухаживать, украшать: *Je déroule les anneaux des escaliers tournants; et comme d'un espalier des pommes, je fais sortir des murs les meubles, amples et robustes faits pour la place juste où je les ai entrés* (Rolland R., 1948: 15) – Я разворачиваю кольца винтовых лестниц; и словно яблоки из шпалеры, я выращиваю из стен просторную увесистую мебель, созданную как раз для того места, где я ее привил (Роллан Р., 1986: 15). То, что дом является действительно живым существом для французов, говорит и следующая фраза из рассматриваемого нами произведения: *Les maisons sur la route baillaient portes ouvertes, au soleil du printemps et au nez des passants* (Rolland R., 1948: 42) – Дома вдоль улицы зевали, разинув двери, под солнышком пригожим, в глаза прохожим (Роллан Р., 1986: 39). Однако французы строго придерживаются правила «chacun chez soi» и стараются не отвлекать других своими проблемами. Они не просят займы у своих соседей и расценивают заботу как вмешательство в личную жизнь.

Жителям Франции нужна свобода, приключения, чтобы чувствовать себя более уверенно: *Je me ferais fouetter, par curiosité* (Rolland R., 1948: 104) – Я готов отведать плети, чтоб изведать все на свете (Роллан Р., 1986: 89). С юмором они говорят о своем отношении к приему пищи: *Je ne retrouve ma race que la fourchette au poing, quand nous sommes assis les six, autour de ma table. A table, nul ne dort, chacun y est bien d'accord, et c'est un beau spectacle de nous voir, tous six, manoeuvrer des mâchoires, abattre pain à deux mains* (Rolland R., 1948: 104) – Я узнаю свое племя только с вилкой в кулаке, когда мы сидим, все шестеро за моим столом. За столом их будить не нужно, они работают дружно, и любо смотреть, когда мы все шесть, вся дюжина челюстей, садимся есть, отправляем куски за обе щеки (Роллан Р., 1986: 13-14).

Однако они работают достаточно много. О желании французов работать свидетельствуют следующие слова: *Nous nous remetmes tous au travail,*

avec rage. Le travail boit les hontes et les peines, comme une éponge. Le travail fait à l'âme peau neuve et sang nouveau. L'ouvrage ne manquait, que de ruines partout. Mais qui nous vint le plus au secours, fut la terre (Rolland R., 1948: 172) – *Мы все с остервенением принялись за работу. Работа вбирает и стыд, и боль, как губка. Работа обновляет и кожу, и кровь души. Дела было немало: сколько развалин кругом. Но кто нам больше всего помог, так это земля* (Роллан Р., 1986: 152).

Приведённые примеры ещё раз подчёркивают значимость адекватного этноязыкового кодирования «культурноносных смыслов, которое начинается с осмысления денотативно-прагматической ситуации предмета духовно-практического освоения» (Алефиренко Н.Ф., 2001: 82). Так, например, данные лингвострановедческого словаря, расширяющие наш кругозор и знания о Франции, адаптированы адекватно: *coiffure Agnès Sorel* – прическа “а ля Агнес Сорель” (ФЛСС, 1997: 214). Рассматриваемая культурема отражает название прически, модной в сороковые годы девятнадцатого века во Франции. Реалия не характерна для России, поэтому для передачи плана содержания культуремы ее план выражения перекодирован путем транслитерации. Иная культурема: *coiffure à la frégate* – прическа “а ля фрегат” (ФЛСС, 1997: 214-215) – придворная прическа конца семидесятых годов восемнадцатого века во Франции отличалась сложностью и высотой, которая составляла 35 сантиметров. Впервые прическа была выполнена парикмахером королевы Марии Антуанеты Леонардом Боляроми и посвящена победе французского фрегата “ля бель Пуль” (*la belle Poule*) над англичанами в 1778 году. При переводе на русский язык название прически транслитерировано и в следующем примере: *coiffure à la moujik* – “а ля мужик” (ФЛСС, 1997: 215). Рассматриваемая культурема характеризует мужскую прическу, состоящую из полудлинных волос, которая вошла в моду в конце десятых годов девятнадцатого века во Франции после Русской кампании Наполеона

Таким образом, адекватное/неадекватное этноязыковое кодирование «культурноносных» компонентов художественных текстов способствует передаче ценностной картины мира, отображенной на страницах произведений, и формирует в представлении французов и русских объективные/необъективные образы друг друга, что приводит к межкультурным коммуникативным сбоям или позволяет их избежать.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура / Н.Ф. Алефиренко // Филология и культура. Тамбов: ТГУ, 2001. С. 82-84.

Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. М.: Мысль, 1990. 286 с.

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избр. труды по языкознанию. М., 1984. 385 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.

Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Моногр / О.А. Леонтович. Волгоград: "Перемена", 2002. 435с.

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. вузов / В.А. Маслова. М.: Издат. центр "Академия", 2001. 208с.

Моисеева, С.А. Художественный текст как объект межкультурной адаптации: Моногр. / С.А. Моисеева, Е.А. Огнева. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. 208 с.

Огнева Е.А. Эмоционально-чувственная сфера переводчика и интерпретация текста / Е.А. Огнева // Филология и культура. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 455-459.

Огнева Е.А. К вопросу об адаптации культурологического фонда произведения при переводе / Е.А. Огнева // Язык и межкультурная коммуникация. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2005. С. 216-220.

Роллан Р. Кола Брюньон / Р. Роллан // Пер. с фр. М. Лозинского. Л.: Художественная литература, 1986. 390 с.

Rolland R. Colas Breugnon / R. Rolland. M.: Edition en langues étrangères, 1948. 224 p.

Словари

ФЛСС – Франция. Лингвострановедческий словарь. 7000 единиц / Под ред. проф. Л.Г. Ведениной. М.: Интердиалект+ АМТ, 1997. 1040 с.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Е.Г. Озерова

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный университет
ozeroва@bsu.edu.ru

Под поэтической прозой мы понимаем прозаические произведения, которые, хотя и лишены стихотворной организации, имеют неповторимую для данной культуры лирическую архитектуру. Не случайно жанровая принадлежность таких текстов обозначается также термином *лирическая проза*, в которой действительность отражается посредством вербализации культурной коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности.

Лирическая проза – продукт дискурсивной деятельности: произведение любого прозаического жанра, эмоционально насыщенное, пронизанное чувственным авторским восприятием жизни. Слово в поэтической прозе выполняет особую, свою – поэтическую – функцию, по мнению Г. Шпета, следует говорить о поэмах, и соответственно о поэзах, и вообще о *поэтическом сознании*. Культура в поэтической прозе – это определённый код с разными ценностно-смысловыми регистрами коннотативного характера, матрица, наносимая автором на явления действительности: Ср.: *Я жмурюсь радостно: Троицын день сегодня! Над моей головой зелёная берёзка, дрожит*